

но будущее научное сотрудничество между двумя университетами – Харьковским и Уральским, к которым в начале нашего столетия присоединился и Тюменским.

С.В. Рыбаков (Екатеринбург)

Историк между новациями и традициями

Нуждается ли современная историческая наука в новаторских идеях? Бесспорно, нуждается. Потребность в новых подходах продиктована ей самим ходом общественных процессов в начале XXI века, характеризующимся и нарастанием социальной динамики, и наличием разнообразных противоречий. Очевидно, что в этих условиях исторической науке не позволительны статичная одномерность, неподвижное состояние «вещи в себе».

Застраховаться от неподвижности и обеспечить полноценное развитие исторической науки может только на путях усвоения лучших достижений гуманитарной мысли. Сегодня историки проявляют немалый интерес к проблеме междисциплинарного синтеза. Он трактуется в основном как методологический инструмент работы над историческим материалом. При этом мало внимания обращается на то, что сама постановка проблемы междисциплинарного синтеза предполагает существенный пересмотр роли и места исторической науки в системе общественных дисциплин. Эта система была создана в 1920-е годы в виде номенклатурной пирамиды со строго отведенными для каждой дисциплины этажами, переходы между которыми были искусственно заблокированы. Истории отводилась функция поставщика фактов для социально-теоретических схем, а полновесное теоретическое объяснение событий и процессов было отдано на другой этаж, занимаемый философией и социологией.

В нынешних условиях подобное положение вещей никак не оправдано. Потенциал исторической науки позволяет ей решать научно-исследовательские задачи любого масштаба. Но для их решения историки должны самостоятельно позаботиться о теоретических и методологических основах своих исследований. Перекалывание разработки концептуальных проблем на философов и социологов означает искусственное понижение общественного статуса исторической науки, бросает на нее тень «второсортности».

Обновление подходов к исторической науке необходимо и потому, что в части общественного сознания закрепилось представление об истории как о конъюнктурной дисциплине, а об историках как о людях, готовых переписывать и трактовать прошлое так, как это удобно «сильным мира сего». Чтобы окончательно освободить историческую науку от такого ложного представления, нужно отказаться от всякого механического схематизма вообще. Для многих этот тезис выглядит непривычно, но именно решительный отказ от схематизма и доктринерства является главным условием обновления исторической науки.

Средства обновления исторических знаний зачастую понимаются слишком упрощенно – как замена одной доктрины на другую, более «правильную», «передовую», «продвинутую». Очень важным является преодоление такого недостатка, присущего большей части нынешнего обществоведения, как отрыв от человеческого фактора.

Разумеется, не существует никаких противопоказаний для создания теоретических моделей истории. В процессе исторического познания полностью обойтись без теоретических построений нельзя. Но они ничего не решают, если отделены от ценностных ориентиров, от этики и морали. Современный подход к историческим знаниям предполагает признание того, что социальные закономерности

не существуют вне живой человеческой практики. История – это смысловое поле, вступая на которое, люди ищут средства для преодоления хаотических тенденций, выступающих в самых разных обликах.

Восстановление четких нравственных критериев, по сути дела, означает реабилитацию проверенных временем этических традиций, векового духовного опыта. Получается, что обновление исторической науки в ее нынешнем состоянии оказывается напрямую связано с обращением к традиционным ценностям. В этом нет логического парадокса.

Нет парадокса и в том, что настоятельной потребностью нынешней исторической науки является отказ от узкоматериалистической макро модели исторического процесса, которая, как многим вполне понятно, тормозит творческое развитие исторической науки. Искривленная интерпретация действительных связей между человеческим бытием и человеческим сознанием уводит от очевидного факта: образы сознания способны активно конструировать общественную реальность. Связь между бытием и сознанием обоюдна, а диалектика взаимоотношений между ними гораздо сложнее, чем их узкоматериалистическая схема.

Представители «классического» марксизма выступали с позиций бескомпромиссного антитрадиционализма. В их понимании сама заявка на поддержание или возрождение традиций являлась очевидным показателем регресса: «Традиция – это великий тормоз, это сила инерции в истории; но она только пассивна и потому неизбежно оказывается сложенной» В параметрах западного теоретического схематизма слово «традиция» отождествлялось с некой формальной, статичной истиной.

Но традиция – это отнюдь не «мертвая» статика. В реальной практике каждой эпохи традиция находит для своего самовыражения специфические пути и средства. Они могут быть замысловатыми и причудливыми, но это никак не отменяет традиции как таковой. Она всегда присутствует в историческом бытии, наиболее наглядно проявляясь в сохранении культурно-исторической идентичности и самостоятельности той или иной страны, того или иного народа.

Традиция выражает связь между поколениями, то есть те нормы и особенности, которые присущи сознанию людей, принадлежащих к одной цивилизационной, этно- и социокультурной общности. Традиция не навязывает формальных истин, но при этом она раскрывает внутреннюю достоверность тех или иных ментальных ценностей, обеспечивает устойчивость культуры, противостоит хаосу в умах и душах людей. Только в искаженном сознании устойчивость может отождествляться с некой архаичностью. Традиция – это вовсе не архаика, ибо ее главное назначение сводится не к консервации прошлого, а к обеспечению единства между прошлым, настоящим и будущим. Традиция, помимо прочего, выполняет функцию и определенной познавательной установки, благодаря которой народ, национальная культура, та или иная цивилизация становятся исторической реальностью, остаются собой, несмотря на изменения, претерпеваемые ими во времени. Утрата традиции означает исчезновение народа, культуры, цивилизации.

Было бы ошибкой отрицать любые заимствования, ибо история в ее живом, реальном виде – это, помимо прочего, непрекращающийся диалог между народами, культурами, цивилизациями. Однако ясно и то, что заимствования должны приносить тем, кто прибегает к ним, пользу, а не вред. Чтобы избежать вредных или непродуктивных заимствований, необходимо относиться к ним трезво, не фетишизируя их. Фетишизация чужого культурно-ментального опыта чаще всего происходит под флагом «универсальных исторических законов».

Полноценное изучение российской истории невозможно без обращения к традиционным принципам русской историософской мысли, к русской националь-

ной мыслительной традиции. Многие нынешние отечественные историки «воспитаны» западной историко-философской традицией, и в этом не будет большой беды, если эти историки смогут реализовать свое законное право на знакомство с русской историсофской традицией и тем самым – на использование историко-сравнительного метода применительно к различным мыслительно-ментальным типам.

Основной мотив в каждой национальной мыслительной традиции связан с исторической рефлексией, самопознанием, осмыслением этносоциального «я», поиском непротиворечивого идентитета. Научной дисциплиной, обращающейся непосредственно к мыслительной традиции, является история мысли или интеллектуальная история. Обращение к истории русской мысли, в том числе – и к истории русской историсофской мысли, способно привести историков к большим личным открытиям, к обнаружению колоссального интеллектуального и историсофского богатства.

Согласно корневой традиции русской историсофской мысли, в реальной истории нет «универсальных закономерностей», автоматически повторяющихся независимо от воли людей. Эта традиция отвергает автоматизм исторических процессов, основываясь на том, что в центре их находится свободный нравственный выбор людей. Историк-эмигрант Н.И. Ульянов решительно отрицал повторяемость в истории, а выражение: «История повторяется», – называл «безответственным». Он утверждал: «Историческое есть качественно единственное. Это главное, что надо знать об истории. "Обобщения" – один из приемов искажения истории»

Против синтетических трактовок истории выступал историк и философ И.А. Ильин, убежденный в том, что история – это пространство свободного творчества людей и народов, она не терпит формализма, законничества, пустого морализаторства. Ильин подчеркивал, что, впитав в себя «идею созерцательной любви и свободной предметности», русская цивилизация «не судит и не осуждает инородные культуры. Она только не предпочитает их и не вменяет себе в закон»

Еще один историк и философ Г.В. Флоровский в прямолинейно заявляемом детерминизме усматривал враждебность к творческим возможностям человека, считая, что такой детерминизм порождает «манию подчиненности» абстрактным законам истории, когда люди «не решаются быть самими собою и непременно хотят жить для чего-нибудь, чему-нибудь служить, во что-нибудь беспрекословно верить»

А.И. Солженицын, известный своей критикой коммунизма, форму перехода от советского строя к ультралиберальной системе охарактеризовал как «добровольное государственное самоубийство». Он писал об антиисторичном копировании радикальными либералами западных форм жизнеустройства: «Уклад чужой жизни невозможно скопировать, не перерождаясь болезненно; он должен органически вытекать из традиций страны». По Солженицыну, антиисторизм – именно то, что роднит ранний большевизм и радикальный либерализм начала 1990-х годов. Историсофские уроки радикальных рыночных «реформ» в России сводятся к тому же выводу, что и уроки «военного коммунизма»: подчинение моральных норм детерминистским «всеобщим закономерностям» неизбежно ведет к политическим, экономическим и культурным провалам.